

ИНТЕРВЬЮ С ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ Н.Н. КРАДИНЫМ*

– Уважаемый Николай Николаевич, хотелось, прежде всего, узнать: какие сенсационные или прорывные научные открытия в сфере изучения истории кочевых цивилизаций были сделаны за последние четверть века, в постсоветский период, а также о Ваших личных изысканиях и достижениях в этой области исторических знаний.

– Первое, что здесь следует сказать: в постсоветский период произошли очень большие изменения в геополитическом раскладе во всем мире. Мир стал более открытым, наступила так называемая эпоха глобализации, и усилилось взаимодействие между странами различных политических ориентаций. Все это привело к очень большим изменениям, в том числе к изменениям в научной сфере. Как бы ни оценивали распад Советского Союза, но с точки зрения развития науки были достигнуты очень важные результаты. В первую очередь, это выразилось в том, что исчезла невидимая и реальная стена между западным и постсоветским миром, и установились очень тесные археологические связи между учеными из постсоциалистического пространства и стран Западной Европы и Америки. С другой стороны, Китай тоже стал более открытым и сейчас в китайской археологии осуществляются активные международные проекты и развиваются связи с учеными из других стран. Если говорить о нашем пространстве,

то мне, конечно, трудно оценивать весь постсоветский мир, хотя можно сказать, что очень большие достижения были сделаны археологами, которые занимаются ранним железным веком. Открыты уникальные элитные курганы на территории всей Евразии, собственно начиная от Украины и Поволжья и заканчивая Казахстаном и Монголией. С другой стороны, многие новые открытия в археологии были обусловлены тем, что археология фактически стала естественной наукой потому, что внедрились различные новые методы датирования, обработки полученных материалов и достигнут мощнейший прогресс в этой области. Я приведу один пример: долго археологи спорили, хунну занимались земледелием или нет. По письменным источникам китайские летописцы говорили, что никакого земледелия у них не было и быть не могло, хотя по результатам исследования городищ понятно, что это население занималось земледелием, но вот новые методики и новые методы позволили обнаружить следы земледелия и у той части населения, которая должна была заниматься кочевым скотоводством. Такой небольшой нюанс, а совершенно меняет наше представление.

Я не буду говорить про всю Евразию, наверно, более интересно было бы сказать о том регионе, в котором я работаю. Последние двенадцать лет мы проводим исследования в Мон-

* Заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, зав. кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета (по совместительству), г. Владивосток.

голии. Данная страна, с моей точки зрения, должна считаться центром евразийского степного мира. Это никоим образом не уничижает другие регионы, там существовали свои яркие уникальные культуры, но все импульсы, которые начинались в евразийском пространстве, собственно происходили из Монголии и большая часть империй, которые возникали, они тоже шли из Монголии.

Если говорить о монгольской археологии, то здесь очень большой прорыв был сделан сразу во многих областях. Сейчас очень много археологов занимается периодом бронзового века, раннего железного века. Выделены новые археологические культуры, уточнена хронология времени существования плиточных могил, керексуров. Сейчас археологи, которые занимаются этим периодом, пришли к достаточно обоснованному выводу о том, что крупные политические образования (конечно, это не были еще империи) возникли на территории монгольских степей фактически до объединения Китая в единую империю. В последние десятилетия была очень популярна концепция Томаса Барфилда, американского антрополога, который увидел некую синхронность между взлетом и распадом кочевых империй и такими же циклами на территории Китая. В некоторой степени я тоже приложил руку к популяризации этой идеи в русскоязычном пространстве. Однако сейчас выясняется, что все было не совсем так.

Если говорить о хуннской археологии, то в настоящее время наблюдается грандиозный всплеск к этой тематике в Монголии. Очень много археологических экспедиций ежегодно работает по данной тематике. В основном археологи занимаются изучением курганных могильников, в первую очередь, они обращаются к исследованию элитных курганных комплексов, и здесь достигнуты феноменальные результаты. Прежде всего, хотел бы сказать о достижениях российско-монгольской экспедиции под

руководством члена-корреспондента РАН Н.В. Полосьмак. Археологи раскопали двадцатый курган в Ноин-Уле. Это та самая Ноин-Ула, которую исследовала экспедиция под руководством выдающегося российского путешественника П.И.Козлова. Данные материалы были опубликованы С.И. Руденко в 1962 г. Они раскопали еще один элитный курган, получили уникальнейшие материалы, и в конце прошлого года была опубликована книга. Сейчас экспедиция, насколько я знаю, раскапывает еще один курган, они уже дошли до самого погребения и начинают исследовать его. В этом году должны закончить раскопки. Раскопки Н.В. Полосьмак показывают, в первую очередь, широкие трансконтинентальные связи, которые существовали между Западом и Востоком, и, помимо уникальных ковров и соответственно других материалов подобного плана, следует отметить находку фалара с античными сценами, явно эта вещь пришла с Запада, возможно, из Бактрии. Другие экспедиции, которые занимались изучением элитных хуннских курганов, тоже подчеркивают наличие таких связей. В прошлом году монгольский археолог Эрдэнэбаатар раскопал, наверное, самый большой элитный курган в могильнике Гол-Мод – 2. Я видел эти материалы. Одна из ярких находок, свидетельствующих о развитии трансконтинентальных связей, это маленькая стеклянная чаша, которая была сделана в Италии. Еще интересное открытие, которое касается хуннской эпохи, – могильник Дурлиг-Нарс в Восточной Монголии. Там, помимо элитных курганов, было раскопано захоронение воина, этот воин, как сейчас выяснилось, по исследованиям в области физической антропологии, был европеоидом, родом откуда-то из Италии, и эти данные подтверждены результатами генетических исследований. У меня сразу мелькнула мысль: может быть, это последний из легионеров Красса, который попал в Монголию и поступил на службу к хуннскому

шанью и достиг высокого статуса? Это говорит нам об их этнической толерантности, которая существовала в империи, и о тех широких контактах, которые были. Но это не единственная составляющая хуннских открытий, вообще очень много достижений: и данные генетики, и многое другое. У меня есть на эту тему небольшая статья, она опубликована в «Вестнике Бурятского научного центра». А более полно эти материалы будут представляться на конференции, посвященной памяти Льва Николаевича Гумилева, которая пройдет в Петербурге, там меня попросили сделать пленарный доклад. Я не буду говорить о Лье Николаевиче, думаю, об этом докладов будет много, а постараюсь показать, как хуннская археология изменилась за это время и вклад Гумилева в изучение этих процессов.

Что касается более позднего времени, то очень серьезные достижения были сделаны в области изучения тюрко-уйгурской археологии. Были произведены раскопки элитных храмовых комплексов, которые были связаны с деятельностью тюркских каганов. Эти материалы опубликованы, они сейчас экспонируются в музее в Улан-Баторе, в частности, была найдена уникальная корона из золота с драгоценными камнями, фантастическая вещь, очень красивая; другие предметы, связанные с символикой власти, из драгоценных металлов. А за последние несколько лет были раскопаны два уникальных кургана, которые, по всей видимости, связываются с уйгурами. Первый из курганов был раскопан в центральной Монголии примерно в 250 км к западу от Улан-Батора, недалеко от тех мест, где мы сами работаем. Первый из этих курганов был раскопан Сергеем Владимировичем Даниловым, доктором исторических наук из Улан-Удэ, совместно с монгольскими исследователями. Курган оказался кенотафом, там очень много сопроводительного инвентаря, но самая ценная находка – это каменная плита, на которой содержит-

ся эпитафия в честь человека, который там должен был быть захоронен; это телесский вождь, который входил в уйгурскую конфедерацию, и он представлял здесь интересы Китая – находился на службе у Танского императора после распада Первого Тюркского каганата. Это уникальный памятник письменности, который подтверждает достаточно сильное влияние Китая на эту территорию после падения Первого Тюркского каганата. Второй курган тоже находится в этом районе, в 15 км от первого упомянутого мной кургана, по всей вероятности, он также относится к уйгурскому времени. Его раскапывала казахстанская экспедиция. Там уникальнейшие материалы. Стены дромоса были разрисованы фресками, с Танскими китайскими сюжетами: всадники, драконы, города, внутри склепа были куклы, сделанные из глины, много золотых украшений, которые не имеют ценности, настолько прекрасно сделаны и имеют высочайшее научное значение, ну и очень много других находок сделано в этом кургане. Кроме того, китайская экспедиция раскапывала курганные комплексы, связанные с Уйгурским каганатом.

Что касается более поздних периодов, это как раз результаты наших исследований в Монголии, где уже 10 лет мы раскапываем города империи Ляо. Произведя раскопки на трех городищах этого времени, нам удалось создать базовую эталонную коллекцию археологических материалов Киданьской империи на этой территории. Очень много различных категорий находок. Сейчас мы опубликовали книгу, посвященную городищу Чинтолгойбалгас, это предварительные материалы. Все материалы будут опубликованы в издании, состоящем из нескольких томов. Самое интересное то, что эти города, которые вроде считаются киданьскими, были населены не только киданями. Когда мы начали раскопки, обнаружили достаточно большое количество следов, которые показы-

вали близость к нашим приморским материалам, к российскому Дальнему Востоку, где многие годы мои коллеги занимаются изучением бохайской археологической культуры. Когда мы столкнулись с такой ситуацией, попытались найти какие-то данные в письменных источниках и обнаружили, что когда государство Бохай было уничтожено киданями, бохайцы часто восставали, и кидани, в конце концов, депортировали местное население частично в Маньчжурию, а часть была переселена в Монголию. Мы нашли в письменных источниках подтверждение этому. И вот за несколько тысяч километров следы бохайцев из Приморья и Маньчжурии были найдены на территории Монголии. Что самое интересное, та же самая политика существовала и в монгольское время. Чжурчжэни существовали и жили в Маньчжурии и на территории Приморья. Мы раскапываем города Забайкалья и находим следы чжурчжэньской культуры. Следы чжурчжэньской культуры также можно проследить на памятниках Золотой Орды, на территории Поволжья, и очень многие вещи, которые пришли с чжурчжэнями, трансформировались и вошли уже в культуру Золотоордынского государства. Например, каны трансформировались в отопительную систему, использованную в гораздо позднее время.

Начиная с 2000 г., немецкие экспедиции исследуют город Хархорин (Каракорум), столицу Монгольской империи, и у них тоже получены выдающиеся результаты в этой области. Они частично опубликованы нашими немецкими коллегами. Мы параллельно продолжаем сейчас исследования памятников монгольского времени на территории Забайкалья. Мы продолжаем те исследования, которые начал выдающийся археолог, член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев. Три года мы раскапывали новый дворцовый комплекс, новую усадьбу, которая находится в 10 км от Хирхиринского городища. Сейчас исследования

закончены, и в ближайшее время мы подготовим книгу. Также мы раскапывали могильник Окошки, который тоже Киселев изучал, и это тоже нам дало очень интересные результаты о погребальном обряде монголов XIII – XIV вв. и будем продолжать эти исследования в будущем.

Исследование элитных курганов, конечно, вещь очень привлекательная и очень интересная, но, к сожалению, существует некоторый перекокс. Для музеев – это очень выгодная коллекция, но городская культура она массовая, рутинная, не очень презентабельная, для хранения данных коллекций требуется очень много места. Однако она дает совершенно иной пласт культуры – городскую культуру империи. Ее обязательно необходимо изучать, и мы всячески стараемся работать в этом направлении.

– **Хотелось узнать Ваше мнение относительно взаимодействия и взаимовлияния между земледельцами и кочевниками в рамках международных отношений. Можно ли проследить динамику такого взаимодействия?**

– Я раньше изучал этот вопрос применительно к хуннскому периоду. Уже тогда четко вырисовывалась следующая динамика. Города, конечно, в кочевых империях всегда существовали, и такие империи лингвистически не совсем правильно называть кочевыми, потому что в них жили не только кочевники, но и земледельцы. Хотя, конечно, политическое лидерство принадлежало кочевникам. И население этих городов не только состояло из угнанных пленников и рабов из земледельческих государств. Даже по письменным источникам известно, что много китайцев из числа бедных сословий предпочитало бежать в степь. В одной китайской летописи указывается, что многие китайцы хотели бы бежать, однако это очень большая проблема, потому что очень строгие караулы на границе и трудно добраться до кочевников. Если они хо-

тели бежать, значит, жизнь там была для них гораздо вольготнее и лучше. Эта же тенденция прослеживается и в более поздние периоды. Изучая города киданей на территории Монголии, мы пришли к выводу о том, что у той части населения, которая была насильственно депортирована на эту территорию, с течением времени внутренние взаимоотношения стабилизировались и вступали в совершенно новое русло. Эти люди, несмотря на различную этническую идентичность, ощущали себя как форпост империи на данной территории. Они вступали здесь в тесные торговые и обменные связи с местными кочевниками. В этот период есть термин «цзубу». Никто не знает, кто эти «цзубу», по всей видимости, это кочевники, которые жили на данной территории после распада Уйгурского каганата. По всей видимости, частично монголоязычные, частично тюркоязычные кочевники. Эта система контактов и взаимоотношений существовала с глубокой древности.

– В оценке кочевых обществ у нас доминируют евроцентристские традиции. Мы воспитанники советской исторической школы, которая в оценке кочевых обществ во многом следует традициям западноевропейской исторической науки. Может быть, сегодня следует говорить о существовании разных моделей государственных образований, приспособленных к образу жизни и общественным отношениям у кочевников и земледельческих обществ? Очевидно, что модель государства земледельческих обществ трудно применима в условиях степи.

– Я с Вами совершенно согласен. Более того, на протяжении двадцати лет я пытался показать, что та модель политической системы, которую создавали кочевники, отличается от государственных образований в Западной Европе, на Ближнем Востоке, тем более в Китае. Хотя, конечно, влияние политических культур существовало, и те, и другие перенимали друг у

друга то, что было важно и интересно. Китайцы тоже у кочевников много что перенимали. Если мы возьмем, скажем, политическую организацию Танской империи, то ряд идей и принципов был заимствован из кочевых сообществ. Это сейчас признается.

Однако я не называю все империи государствами. С моей точки зрения, кочевые империи нельзя считать государством. Это не значит, что они не были крупными обществами. Государство связано с бюрократией. Вы, наверное, знаете, что есть два подхода к определению государства. Согласно первому подходу, государство – это крупная политическая общность, страна. Если мы используем этот подход, то нет никаких сомнений, что и те, и другие общества – это государства. Согласно второму подходу, государство – это общество, в котором есть организация власти, состоящая из чиновников и бюрократов. Такой системы, конечно, у кочевников не было. Если мы возьмем раннефеодальные государства Европы, их тоже нельзя называть государствами. Я как-то говорил своим монгольским коллегам, что если бы у Чингис-хана было государство, он бы не достиг тех великих побед – все его победы бюрократы и чиновники «размазали» бы по своим кабинетам в виде инструкций и бумаг. У кочевников была четкая десятичная система, она функционировала просто великолепно. Мы можем привести примеры из нашей истории, когда большая империя не может справиться с какой-то маленькой военной проблемой, потому что чиновники тормозят решение вопроса исходя из различных интересов. У Чингис-хана ничего этого не было.

Что касается евроцентризма, то мне кажется, сегодня происходит много изменений в лучшую сторону. На Западе, начиная с 1970-х гг., появилось понятие ориентализма по названию одноименной книги Эдварда Саида. Это очень сильно изменило оценку роли Запада и других сообществ в мировой истории.

Эти идеи проникают, если быть более точным, уже до этого проникали и сейчас укрепляются в российской науке. В качестве примера современных методологических подходов могу привести 2-й том шеститомного издания «Всемирная история», посвященного средним векам. Это новое издание, которое готовит Институт всеобщей истории РАН. История средних веков в нем показана как многообразие различных цивилизаций и культур, показан большой вклад кочевников, который они внесли в исторический процесс. Это, прежде всего, развитие трансконтинентальных связей и распространение различной информации – технологической, культурной, идеологической.

– **Вы, наверное, знаете, что Институт российской истории РАН будет готовить новую многотомную историю России. Сколько томов этого коллективного труда будет посвящено древнему периоду?**

– Я последние два с половиной месяца провел в археологических экспедициях: сначала в Забайкалье, потом в Монголии. Поэтому пока не имею точной информации. Надеюсь, что восемнадцатитомный труд будет написан с новых методологических позиций. Народам Российской Федерации там обязательно найдется место. Россия воистину является евразийской державой, во многом продолжает традиции, заложенные в предыдущие исторические периоды. Многонациональная составляющая – один из важнейших компонентов и политической системы, и культурных традиций нашей страны. Здесь очень важно, чтобы эта книга получилась как «хор», чтобы каждый «голос» – каждая культура, каждый народ были представлены.

– **Последнее время больше стали говорить о существовании городов у кочевых народов. Кто в них там проживал? Какую роль они играли в экономической жизни кочевого общества?**

– Наличие городов, наличие оседлости – это очень важные аспекты

жизни кочевых империй. Если говорить о территории Монголии и вообще в целом, не знаю ни одной кочевой империи, где бы не существовали в той или иной степени оседлые поселения, укрепленные или неукрепленные населенные пункты. Это явно свидетельствует о том, что для таких крупных обществ города играли очень важную роль. Там жили земледельцы, которые производили необходимую продукцию, потому что одним мясом питаться невозможно, необходимы и другие виды продуктов. Кроме того, жители этих населенных пунктов занимались ремеслом, потому что ремесленная деятельность для империи тоже была необходима. С одной стороны, это производство вооружения, с другой – производство предметов престижного потребления для элиты, для обмена элиты с властвующими группами других стран и народов. Так что изучение городов, я считаю, очень важная составляющая. Много раз, даже на съездах археологов, ставили вопрос о том, что необходима некая консолидация усилий в этой области. Я с большим интересом стараюсь следить за тем, как наши коллеги из Татарстана изучают городскую культуру в Поволжье, но, к сожалению, не всегда это удается проследить. Думаю, что им интересны наши исследования, в Приморье существовала мощнейшая чжурчжэньская городская цивилизация, на нашей территории известно около 300 городов и городищ. Думаю, что это очень важное и перспективное направление исследований, которое, несомненно, должно развиваться в нашей стране.

– **Хотелось узнать Ваше мнение о причинах взлета и распада Тюркских каганатов.**

– Я сейчас работаю над книгой, которая будет посвящена этой теме. Время теорий, которые объясняют происхождение империй под влиянием отдельных фактов, прошло. Это был многофакторный процесс, влияли самые различные факторы – и изменение природно-климатической среды,

и взаимодействия с соседними государствами и т.д. И, естественно, личностный фактор тоже играл большую роль. Личностный фактор, который в советский период принято было недооценивать, имел фундаментальное значение в формировании кочевых империй. Что касается распада, я упомяну только один момент, который имел очень важное значение, – это фактор перепроизводства элиты. Есть такая закономерность, которую я называю законом Ибн Хальдуна, выдающегося арабского мыслителя XIV–XV вв. Хотя, наверное, есть несколько законов Ибн Хальдуна. Применительно к кочевым империям этот закон работал стопроцентно. У элиты кочевников всегда существовал принцип полигамии, у них было много жен и детей. Через 3–4 поколения мне удалось это статистически проследить, как правило, на уровне 4-го поколения внуков было так много, что между ними начинались конфликты за ресурсы, и империи, как правило, распадались. Если у Чингисхана было более ста жен и наложниц, можете себе представить, сколько у него было потомков. Турки эту модель научились преодолевать, у них эти кризисы гораздо позднее случались. Это очень важный фактор, на который мало кто обращал должное внимание.

– Среди татар есть православная конфессиональная группа. Среди крещеных татар сегодня идут сложные процессы трансформации самосознания, существует устойчивое убеждение в том, что их предки приняли христианство еще до времен Ивана Грозного. Что Вы скажете относительно распространения христианства среди кочевников в средние века?

– Данные и археологических, и письменных источников говорят, что христианство распространялось среди кочевников, и несторианство было известно в Монголии, но в целом христианство не получило широкого распространения, в общем этот факт

достаточно известный. Многие кочевники принимали ислам, религию воинов и торговцев, как ее охарактеризовал Макс Вебер, но не только ислам – потому что в Монголии распространился буддизм. В разных кочевых империях существовали те или иные формы религии. В Уйгурском каганате, например, получило распространение манихейство, совершенно другая религия, она была связана с индийским влиянием. Каждый такой вопрос следует изучать отдельно. Процесс идентификации – это постоянный процесс, люди постоянно переконструируют те общества, в которые они входят, историки, этнографы часто об этом забывают и пытаются наносить какие-то клише, конструкции на те общности, которые изучают. Часто бывает так, что по письменным китайским или персидским источникам мы знаем те или иные кочевые народы, а по другим данным получается, что таких народов не существовало, или они объединялись в какие-то крупные общности, или, наоборот, разбивались в более дробные. Вопросы этнической идентичности, мне кажется, необходимо изучать на новых методологических подходах, которые получили распространение в последние десятилетия.

– Какие ближайшие задачи стоят перед археологами, изучающими кочевые сообщества? И какие формы взаимодействия можно использовать, кроме проведения Международного конгресса кочевой археологии Евразийских степей?

– Трудно, наверное, говорить о каких-то единых проблемах, которые стоят перед археологами, но есть несколько очень важных вопросов, которые следует обязательно упомянуть. Первая проблема – это борьба с так называемыми черными археологами. Их называют черными археологами, но мне не хочется так уничивать слово «археолог», поэтому буду использовать термин «черные копатели». Это большая, серьезная проблема. К сожалению, государство здесь нам не очень

помогает, нужно как можно быстрее принять соответствующее законодательство и эту проблему поднять на более высокий уровень. Даже в Монголии эти вопросы решаются гораздо лучше, там приняты очень жесткие законы. Наши археологи постоянно ставят эти вопросы, они поднимались в прошлом году на встрече с В.В. Путиным. Здесь как раз вопрос о бюрократии: в государстве много чиновников, все решается очень медленно, а эти вопросы надо решать быстро.

Второй момент, который мне представляется очень важным, это, конечно же, создание некой такой площадки, которая была бы доступна всем кочевниковедам страны. У нас, к сожалению, не хватает серьезных научных журналов, которые связаны с изучением кочевого мира. У нас есть «Российская археология», «Этнографическое обозрение», «Восток». Блестящий, великолепный журнал на двух языках издается сейчас в Новосибирске: «Археология, этнология и антропология Евразии», но этого очень мало. Нужно увеличивать количество таких журналов, они обязательно должны выходить под грифом ведущих наших научных центров и сверхважно – быть двуязычными – на русском и английском языках. Мировая общественность обязательно

должна знать о достижениях наших специалистов. Кочевниковедение, как говорил еще Петр Савицкий, это по большей части российская наука, российская дисциплина, потому что очень значительная территория нашей страны связана с изучением степного мира.

И, наконец, последнее, необходимы площадки для встречи кочевниковедов. Данная конференция – 2-й Международный конгресс археологии Евразийских степей – является очень важным инструментом для того, чтобы кочевниковеды нашей страны могли собираться и обмениваться своими научными идеями вместе. Что касается научных открытий, если будет развиваться наука, если археологи будут изучать различные культуры и сообщества, я думаю, будут достигнуты еще более выдающиеся результаты.

– Огромное спасибо, Николай Николаевич, за ответы. Позвольте пожелать Вам и Вашим коллегам новых творческих успехов и новых открытий!

Интервью провел
И.К.Загидуллин

*Туристический комплекс
Стик-Тревел, Алтайский край.
7 сентября 2012 г.*